

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 1
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'22

ББК 81.2

DOI 10.18522/1995-0640-2021-1-87-99

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ – НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ

Х. Бак

Ататюркский университет, Эрзурум, Турция

Аннотация. Исследование значения одушевленности – неодушевленности не может быть ограничено рассмотрением изолированных имен существительных, поскольку слово всегда функционирует в составе некоторой конструкции, в составе определенного контекста. В статье рассматривается проявление значения одушевленности – неодушевленности в семантике местоимений, глаголов, имен прилагательных и наречий.

Ключевые слова: категория одушевленности-неодушевленности, семантика, сочетаемость.

Введение

Как известно, имена существительные во всех языках выполняют прежде всего номинативную функцию. «Имена – это слова, которые обозначают все живые существа или неодушевленные предметы во Вселенной, а также конкретные и абстрактные понятия, существующие в человеческом воображении». [Коркмаз, 2007, с. 195]. Во многих языках, в том числе в турецком, различие между живыми существами и неживыми предметами выражено только семантически. В ряде восточно- и западнославянских языков оппозиция «живое – неживое» нашла специфическое отражение в грамматической категории одушевленности – неодушевленности имени существительного. В славистике в целом и в русской лингвистике в частности категория одушевленности-неодушевленности имен существительных русского языка хорошо изучена: рассмотрен процесс становления этой категории, описаны особенности распределения имен по разрядам одушевленных и неодушевленных существительных [Мадоян, 1980, Крысько, 1994, Иосилевич, 2014, Гочев, 2016, Шакар, 2018, Нарушевич, 2002; и др.]. Рассмотрены аналогичные категории в родственных белорусском и украинском языках [Кузьменкова, 1980, Мороз, 2007, Козина, 2012, 2017; и др.].

В то же время внимание лингвистов все чаще привлекают не только имена существительные, но и другие части речи (местоимения, глаголы, признаковые слова), которые могут служить средством выражения зна-

чения одушевленности – неодушевленности [Евтюхин, 2005; Холодилова, 2016; Нарушевич, 2020].

Исследование значения одушевленности-неодушевленности не может быть ограничено рассмотрением изолированных имен существительных, поскольку уже тот факт, что грамматическим показателем категории одушевленности – неодушевленности является конкретная форма винительного падежа, предполагает функционирование слова в составе некоторой конструкции, в составе определенного контекста [Бак, 2017, с. 38].

Если ядро категории одушевленности-неодушевленности составляют имена существительные, которые достаточно хорошо изучены, то в данной статье предметом исследования будут периферийные средства выражения семантики одушевленности-неодушевленности – местоимения, глаголы и признаковые слова.

Исследование и его результаты

Местоимения и семантика одушевленности – неодушевленности

В аспекте одушевленности – неодушевленности местоименные существительные обнаруживают некоторые отличия от собственно существительных. По семантическим и грамматическим особенностям местоимения-существительные могут быть распределены по трем подгруппам:

- 1) семантически и грамматически одушевленные: *я, мы, ты, вы, кто* и его дериваты (*кто-то, кто-либо, кое-кто* и др.);
- 2) семантически и грамматически неодушевленные: *что* и его дериваты (*что-то, что-либо, кое-что* и др.);
- 3) местоимения с нейтрализованной категорией одушевленности-неодушевленности: *он, она, оно, они*.

1. Личные местоимения *я, ты, мы, вы* имеют значение одушевленности, поскольку указывают на участников речевой ситуации, обычно людей. Отнесение этих местоимений к животным или неживым предметам связано с художественным приемом олицетворения, предполагающим обращение к «заведомо некоммуникабельным объектам».

Местоимение *кто* имеет более широкое значение и указывает на живое существо вообще. Значение одушевленности определяет склонение местоимений рассматриваемой подгруппы по одушевленному типу:

И.п.	я	вы	кто
Р.п.	меня	вас	кого
В.п.	меня	вас	кого

2. Местоимение *что* обычно указывает на неживые предметы, явления и т.п., что обуславливает формирование грамматического показателя неодушевленности:

И.п.	что,
Р.п.	чего,
В.п.	что.

Лексическая и грамматическая противопоставленность местоимений *кто* и *что* является важным языковым фактом. Как отмечает В.В. Виноградов, «самый прием противопоставления значений лица и вещи посредством чередования согласных в форме местоимений *кто* – *что*, *некто* – *нечто*, *никто* – *ничто* – грамматическое явление, необычное для других категорий» [Виноградов, 1986, с.275].

Вопросительные местоимения *кто?* и *что?* служат основным средством определения одушевленности – неодушевленности имен существительных в школьном курсе русского языка [Русский язык. 6 класс, 2019, с. 116]. Однако использование вопросов *кто?* и *что?* может быть затруднительным в ряде случаев, представляющих сложность в решении проблемы одушевленности.

Как показывают наши наблюдения, вопрос *кто?* регулярно задается к существительным, обозначающим людей, а также относительно крупных животных (млекопитающих, земноводных, птиц и др.). К названиям мелких живых существ (насекомых, одноклеточных и др.), а также к названиям микроорганизмов может задаваться вопрос *что?: увидеть муху* – увидеть что?; *изучать амёб* – изучать что?; *изучать вирусы* – изучать что? По всей видимости, на постановку вопроса в данном случае оказывает влияние степень подобия живого существа человеку.

Возникают сложности при постановке вопросов к существительным с колеблющимся грамматическим показателем одушевленности-неодушевленности, поскольку в этом случае вопросительное местоимение отражает только семантику имени, но не отражает его форму: *подарили кукол* – подарили что?; *сбросил туза* – сбросил что?; *созывали народ* – созывали кого?

Существенное влияние на постановку вопроса к имени существительному оказывает значение глаголов и прилагательных, вызывающих трансформацию значения субстантива: *зарезали барана* – зарезали кого?; *волки съели барана* – съели кого?; *за ужином съели жареного барана* – съели что?

Указанные факторы значительно снижают эффективность метода постановки вопросов как средства определения одушевленности – неодушевленности. Факты живого языка позволяют утверждать, что местоимение *кто* по своей семантике ближе к нейтральным, не маркированным по одушевленности – неодушевленности единицам: *кто?* имеет более конкретизированное значение, а *что?* – более обобщенное, так что может включать представление не только о нелицах, но и о лицах, например: *Аксинья... вспомнила: «Нынче что-то есть радостное. Что же? Гриша... Гриша...»* (М.Шолохов. Тихий Дон).

Ср. также другие примеры: *Что это у вас такое?* – бормотал Азеф. – *Птицы*, – проговорил генерал (Р. Гуль. Азеф); *О, да что это такое? Уж полно, кот ли?* – подумала Катерина Львовна (Н.Лесков. Леди Макбет Мценского уезда). Таким образом, местоимения с компонентом *что-* имеют особое значение: они обозначают любой неизвестный предмет, который в дальнейшем может оказаться как живым, так и неживым:

Вдруг впереди замелькало что-то маленькое, беленькое и стало быстро приближаться. Это был ребенок (Л. Авилова. Чехов в моей жизни); – А что это! – генерал указывает на покрывало. – Тятко-с, – трепещущим голосом говорит сиделка (В. Слепцов. Сцены в больнице).

Иногда при описании метода постановки вопросов на первый план выделяется грамматическая противопоставленность местоимений *кто?* и *что?* по одушевленности-неодушевленности, однако соответствие формы вопросительного местоимения форме имени существительного, к которому задается вопрос, является обязательным далеко не для всех имен существительных.

Таким образом, можно утверждать, что сфера действия метода постановки вопросов при анализе одушевленности – неодушевленности ограничивается существительными основных групп. Наиболее четким критерием разграничения одушевленных и неодушевленных существительных (в том числе, слов промежуточных групп) служит сопоставление падежных флексий.

3. Предметно-личные местоимения *он, она, оно, они* семантически нейтральны, так как могут указывать не только на живые существа, но и на неживые предметы, явления и т.п. Например: *Но как было учителю убедить в том малограмотных сельчан? Послушают ли его?* (В. Быков. Камень); *Расстегнув кирзовую полевую сумку, вынул из неё новый, ещё не помятый лист карты, развернул его на траве.* (В. Быков. Болото)

Как отмечает В.В.Виноградов, «в современном языке форма *его* является родительно-винительным падежом от *он* и *оно*, относясь безразлично к лицам, животным и неодушевленным предметам. То же придется сказать о форме *ее*» [Виноградов, 1986, с. 274 – 275]. Таким образом, совпадение форм винительного и родительного падежей в парадигме склонения данных местоимений не служит для выражения значения одушевленности. Г.Г.Корбетт объясняет этот факт причинами синтаксического характера: «по сравнению с другими именными группами местоимения имеют тенденцию занимать положение наиболее близкое к началу предложения. Это делает различительную роль падежного маркирования (обеспечивающего противопоставление подлежащего и дополнения) более важной: при совпадении именительного и винительного падежей могли бы возникнуть осложнения» [Корбетт, 1985, с. 402].

Таким образом, предметно-личные местоимения стоят вне категории одушевленности-неодушевленности.

Глаголы и семантика одушевленности – неодушевленности

Значение одушевленности – неодушевленности может быть выявлено не только в семантике имен существительных и местоимений, но и в значениях иных частей речи. Например, семантика глаголов указывает на отношение действия к субъекту и объекту. Это семантическое соотношение может быть рассмотрено в связи с исследуемой проблематикой: поскольку функции субъекта и объекта действия выполняют одушевленные или неодушевленные существительные, в значениях гла-

голов должен присутствовать компонент, указывающий на одушевленность – неодушевленность соответствующих субстантивов. Эта связь находит отражение в законах семантической сочетаемости слов, описанных В.Г. Гаком: «Основной закон семантического сочетания слов сводится к тому, что для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических различающих их сем, одну общую сему» [Гак, 1972, с. 376]. Эту общую сему автор предлагает называть «связующий семантический компонент» или «синтагмема». Общий семантический компонент обнаруживается в синтаксических группах субъект – глагол, глагол – объект, определяемое – определение [Бак, 2019, с. 101].

Таким образом, можно сделать вывод, что семантика одушевленности – неодушевленности, находит выражение не только в значении имен существительных и местоимений, но и в значениях других частей речи: глаголов, прилагательных и наречий. Действительно, названные части речи способны нести косвенное указание на одушевленность – неодушевленность имен существительных, употребленных с ними в определенном контексте. Например, в семантике глагола *писать* содержится указание на то, что действие совершает одушевленный предмет, человек (*директор, учитель, мальчик пишет*), а само действие направлено на неодушевленный предмет (*писать буквы, письмо, статью*).

Глаголы и имена прилагательные, несущие информацию об одушевленности – неодушевленности существительных принято называть одушевленно (неодушевленно)-маркированными.

Благодаря этим семантическим особенностям существует возможность описать классификацию глаголов, которые содержат в своих значениях косвенное указание на одушевленность – неодушевленность имен существительных, являющихся субъектами или объектами действия. Такую классификацию приводит А.Г. Нарушевич:

1) глаголы, указывающие на одушевленность субъекта: обозначают действия, которые совершаются живыми существами (*есть, рассуждать, читать, мечтать, любить, плакать и др.*);

2) глаголы, указывающие на одушевленность объекта: обозначают действия, которые направлены на живые существа (*родить, кормить, учить, воспитывать, выгонять, перебивать и др.*);

3) глаголы, указывающие на неодушевленность субъекта: обозначают действия неодушевленных предметов (*колоситься, извергаться, плавиться, ржаветь, течь, прокиснуть и др.*);

4) глаголы, указывающие на неодушевленность объекта: обозначают действия, которые направлены только на неживые предметы (*солить, квасить, белить, строить, клеить, переплетать, асфальтировать и др.*);

5) глаголы, которые не содержат указания на одушевленность – неодушевленность

а) субъектно-нейтральные: обозначают действия, которые могут совершаться как живыми, так и неживыми предметами (*двигаться, ехать, лежать, находиться, лететь и др.*);

б) объектно-нейтральные: обозначают действия, которые могут быть направлены как на живые, так и на неживые предметы (*любить, видеть, узнавать, толкать, нести и др.*) [Нарушевич, 2020, с. 98 – 99].

Таким образом, значение глагола может показывать, какое место занимает имя существительное в структуре семантического Поля Одушевленности – Неодушевленности. Например, среди глаголов, указывающих на то, что действие производится живым существом, можно выделить три класса:

1) глаголы, которые обозначают действия, характерные только для человека; указывают на то, что имя существительное относится к Полю Лица:

а. глаголы, обозначающие речевую деятельность (*говорить, высказываться, рассказывать, сообщать и т. п.*);

б. глаголы, обозначающие мыслительную деятельность (*думать, размышлять, предполагать, заблуждаться и т. п.*);

с. глаголы, обозначающие проявление эмоций (*плакать, смеяться, радоваться, горевать и т. п.*);

2) глаголы, которые обозначают действия, характерные только для животных; свидетельствуют о принадлежности субстантива к Полю Фауны: (*пасть, высиживать, блять, мычать, бодаться, отелиться, опороситься и т. п.*);

3) глаголы, обозначающие действия, которые могут быть направлены как на человека, так и на животных: (*кормить, есть, пить, дышать, видеть и др.*).

Например:

1) *Гриша открыл было рот, чтобы ответить, но вдруг задумался и даже полуприкрыл глаза* (В. Пелевин. Желтая стрела); *Слуга вошел и доложил о приезде председателя судебной палаты* (И. Тургенев. Отцы и дети);

2) *Курица уже перелетела через плетень и кудахтала, глядя на тетю Катю со двора.* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема); *Не чирикали птицы, не ворковали голуби, не гремели телеги* (И. Грекова. Фазан); *Тут блеют овцы, там ворчит собака* (М. Лермонтов. Герой нашего времени);

3) *Он на войне не убил еще ни одного немца – не было случая* (В. Быков. Болото); *Ястреб убивает перепелку, а перепелка жука* (В. Солоухин. Мед на хлебе); *А Мавра родила сына, воспитывает внучку и пытается навязать близким свои понятия о счастье* (О. Романцова. Сергей Женовач).

Важно отметить, что указанные особенности четко выражены только в тех случаях, когда глаголы употреблены в прямом значении, поскольку формирование переносных значений может существенно изме-

нить способность глагола, сочетаться с определенными именами существительными.

Так, например, глаголы, указывающие на звуки, издаваемые животными, в переносных значениях могут быть отнесены к человеку: *Девушки, спрятавшись от ветра, мило **ворковали** в проходной* (Е. Сухов. Конек – делу начало); *Мы держали Надюшу с обеих сторон за руки, чтобы она не выскочила сдуру из экипажа, а она, смеясь, вырывалась, **кудахта-ла** и кричала в ночь.* (В. Катаев. Святой колодец); *Аппаратура, – **ворчал** он, должна быть оптимальной, а не максимальной точности* (Д. Гранин. Зубр); *Не сглазь, отец. **Каркаешь** третий час.* (Б. Васильев. Были и небыли); *Иэс, сэр! – испуганно **чирикнул** мистер Адамс* (И. Ильф, Е. Петров. Одноэтажная Америка); *Профессор сразу увял и еще долго что-то **блеял** про неизбывную мудрость, что до сих пор живет в русском народе...* (Н. Дежнев. Год бродячей собаки).

Сочетание глаголов, указывающих на одушевленность субъекта или объекта действия, с неодушевленными существительными (в том числе даже с названиями абстрактных понятий) характерно для художественного приема олицетворения, который часто имеет сюжетобразующий характер: *Администратор протёр глаза и увидел, что над Москвой низко **ползёт** желтобрюхая грозовая туча* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Попав на тротуар, Огурок **огляделся** по сторонам и, не найдя ничего примечательного, недовольно **подумал**: «Обстановочка! И надо же было моему старому болвану выплюнуть меня именно в этом месте!»* (Ф. Кривин. Огурок); *Затем она [Книга] долго **отчитывала** Форточку за то, что та **выглядывает** на улицу (можно простудиться!), **объясняла** Маятнику, что не следует все время бегать взад-вперед, Графину что нельзя баловаться с водой, и так далее.* (Ф. Кривин. Нравоучительная Книжка).

Интересны трансформации некоторых неодушевленно-маркированных глаголов, которые в контексте олицетворения приобретают значение речевой деятельности: *Бонжур, месье Абажур, – **скрипит** маркиз Карниз* (Ф. Кривин. Жертва моды); *Но сколько бы денег ни бросали в Копилку, ей все казалось мало. – Еще бы пятак! – **вызвывала** она. – Еще бы гривенник!* (Ф. Кривин. Копилка); ***Шелестит** на ветру, останавливая прохожих, Старая Афиша: – Подойдите, подойдите ко мне! Я свежа и ярка, я еще достаточно хорошо сохранилась!* (Ф. Кривин. Старая афиша).

Феномен образности олицетворения как разновидности метафоры заключается в особой смысловой двупланности, характерной для данного художественного средства. Так, в отрывке из стихотворения Б. Пастернака *За окнами давка, **толпится** листва...* необычное сочетание глагола, указывающего на действие множества живых существ, и неодушевленного существительного создает особый художественный эффект, заключающийся в своеобразном «смысловом скольжении» от прямого значения глагола *толпиться* («собираться, стоять толпой») к окказиональному значению («состоять из многих тесно расположенных ли-

стве») и обратно. Таким образом, выразительные возможности олицетворения во многом определяются семантическими особенностями слов, составляющих высказывание.

Специфический контекст олицетворения создает условия для использования семантики одушевленности – неодушевленности глаголов и имен существительных для усиления выразительности текста. Примером такого использования может служить каламбур – шуточный приём, игра слов, основанная на многозначности или омонимии [Нарушевич, 2019, с. 19]. Рассмотрим конкретный случай. В выражении *Чайник кипел от возмущения* каламбурный контекст создает уникальную возможность для актуализации одновременно двух значений глагола *кипеть*: прямого («О жидкостях: бурлить, волноваться, пениться от образующегося при сильном нагревании пара»), указывающего на неодушевленность, и переносного («Проявлять какое-н. чувство, волнение) с силой, бурно»). В любом ином контексте возможна актуализация только одного из значений: *Жидкость кипела. – Теща кипела от гнева.*

Таким образом, семантика одушевленности – неодушевленности, присутствующая в значениях глаголов, обладает богатым выразительным потенциалом, который часто используется писателями.

*Имена прилагательные
и семантика одушевленности – неодушевленности*

Ученые давно обратили внимание на связь между значением имени прилагательного и имени существительного в аспекте одушевленности – неодушевленности. Поскольку предмет – это нерасчлененная совокупность отдельных признаков, очевидно, что имя прилагательное и другие признаковые слова, называющие конкретный признак, имеют тесную связь с существительными. Наиболее четко мысль о связи имени прилагательного и имени существительного высказана в исследованиях А.Н. Шрамма: «Подкласс рациональных прилагательных целесообразно сначала разделить на три рода на основе их сочетаемости.

1) Прилагательные, сочетающиеся преимущественно с названиями человека и других живых существ.

2) Прилагательные, сочетающиеся преимущественно с названиями предметов и явлений.

3) Прилагательные, одинаково сочетающиеся с любыми названиями» [Шрамм, 1974, с. 15].

Нужно отметить, что приведенная классификация может быть распространена на весь класс имен прилагательных. Поскольку семантическое исследование зачастую осложняется полисемией лексемы, далее мы будем иметь в виду прилагательное-семему, т. е. слово, употребленное в одном из своих значений, в данном случае – исходном (первом по словарю).

Таким образом, с точки зрения семантики одушевленности – неодушевленности прилагательные можно разделить на три группы.

1. Имена прилагательные, указывающие на одушевленность предмета, обозначают различные свойства человека или животного: внешние качества, особенности характера, эмоциональные состояния, интеллектуальные признаки и т.п.: *белокурый, загорелый, зеленоглазый, глупый, находчивый, веселый* и др.

2. Имена прилагательные, которые содержат указание на неодушевленность предмета, обозначают разнообразные признаки и свойства неодушевленных объектов: *деревянный, синтетический, ледяной* и др. Специфика сочетаемости этих единиц состоит в употреблении исключительно с неодушевленными именами существительными: *жидкий сплав, шерстяной шарф, болотистая местность*.

3. Нейтральные имена прилагательные, которые не содержат указания на семантику одушевленности – неодушевленности имен существительных, поскольку обозначают признаки, которые могут принадлежать как живому, так и неживому: *черный, зеленый, тяжелый, хороший, мамин* и т.д.; *хороший человек – хороший совет, белый медведь – белый лист, мамин брат – мамин шарф*.

К третьей группе также следует отнести местоименные прилагательные (*свой, этот, мой, весь* и др.), поскольку они имеют еще более обобщенные значения: *тот гость – тот вечер, мой сын – мой адрес*.

В эту группу логично включить и порядковые числительные (если рассматривать их в качестве относительных прилагательных, как это принято в лингвистической литературе [Русский язык. Морфология, 2010, с. 213]): *первый сын – первый снег, третья корова – третья полка, одиннадцатый футболист – одиннадцатый день* и т.д.

Семантика прилагательных также может быть основой для создания каламбура в контексте олицетворения: *Бутылку судили за пьянство, а она оказалась невинной* (Ф. Кривин. Невинная бутылка): «не имеющая за собой вины, невиновная» – «не используемая для вина».

Наречия, слова категории состояния и семантика одушевленности – неодушевленности

Поскольку качественные наречия и слова категории состояния образуются от качественных прилагательных, способных нести указание на семантику одушевленности – неодушевленности, логично предположить, что эти части речи также могут косвенно указывать на одушевленность/неодушевленность носителя определенного состояния (признака).

Эта связь очевидна для слов категории состояния, которые, как известно, обозначают состояние окружающей среды (*темно, туманно, сыро, дождливо* и т.д.) или физические и психические состояния живых существ (*грустно, весело, скучно, жарко, холодно* и др.). Можно привести примеры, в которых олицетворение создается только при помощи слов категории состояния: *Циферблату над тобой Скучно от осенней пыли* (И. Юрков); *И под небом предзакатным Трубам весело сиять* (Д. Са-

мойлов); *Так радостно дереву в уличной мгле Следить за уютною жизнью в стекле* (Саша Черный).

Ср. также случаи использования некоторых наречий для создания «олицетворяющего контекста»: *Желтея грустно, Старый особняк Стоит в глуши Запущенного парка.* (Н. Рубцов); *И не молкнет гул семизвонный Над бегущей весело Истрой* (С. Липкин); *Зачем столько извести свезено в кучу, Сожгла она жадно траву...* (В. Блаженный). *И зябко вздрагивают лужи От каждой капли дождевой* (В. Шаламов). Поскольку наречия непосредственно семантически не связаны с именами существительными, их влияние на семантику одушевленности – неодушевленности опосредовано и проявляется не так ярко.

Заключение

Таким образом, местоимения, глаголы, имена прилагательные, слова категории состояния и наречия представляют собой определенным образом структурированную систему периферических средств выражения значения одушевленности – неодушевленности и могут быть использованы в стилистических целях. Исследование влияния одушевленно(неодушевленно)-маркированного контекста на семантику имени существительного может эксплицировать лингвистические механизмы формирования переносных значений и выражения экспрессии в языке.

Литература

- Бак Х. (2017) Факторы влияния на смысловые отношения в предложении русского языка // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія Філологія. 2017. № 2. С. 37–41.
- Виноградов В.В. (1986) Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. 415 с.
- Гак В.Г. (1972) К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 370–385.
- Гочев Г.Н. (2016) Оппозиция «живое – неживое» в системе русской лексики // Русский язык за рубежом. 2016. № 2 (255). С. 91 – 96.
- Евтюхин В.Б. (2005) Грамматика местоимений // Мысли о русском языке: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей к 155-летию кафедры русского языка (1849– 2004) / ред. П.А. Клубков. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. у-та, 2005. С. 113–119.
- Иосилевич Н.В. (2014) Маркеры лексико-грамматического значения одушевленности / неодушевленности в строе предложения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. С. 374 – 377.
- Козина Ю.В. (2012) Історія категорії істот/неістот в українській мові: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Запоріжжя. Б.в., 2012. 20 с.
- Козина Ю.В. (2017) Грамматическая категория имени существительного как отражение наивной картины мира обучающихся средней школы // Гуманитарные науки (г.Ялта). 2017. № 1 (37). С. 60 – 64.
- Корбетт Г. (1985) Одушевленность в русском и других славянских языках // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М.: Наука, 1985. 123 с.
- Крысько В.Б. (1994) Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М.: Лусеум, 1994. 224 с.

Кузьменкова Т.В. (1980) Категория одушевленности – неодушевленности в современном белорусском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Минск, 1980. 199 с.

Мадоян В.В. (1980) Категория одушевленности имен существительных в древнерусском языке (на материале памятников северо-западной Руси XIII – XIV вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1980. 141 с.

Мороз Т.Ю. (2007) Хитання в граматичному оформленні істотності / неістотності деяких іменників як результат невизначеності буттєвого модусу реалій, що ними позначаються // Вісник Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка: Філологічні науки. Луганськ: Альмамагер, 2007. №11 (128). С. 54 – 64.

Нарушевич А.Г. (2002) Категория одушевленности – неодушевленности и языковая картина мира // Русский язык в школе. 2002. № 3. С. 24 – 26.

Нарушевич А.Г. (2020). Значение одушевленности – неодушевленности имени существительного и контекст // Slavica, 49. [Электронный ресурс]. URL: <https://ojs.lib.unideb.hu/slavica/article/view/6682> (дата обращения 18.07.2020)

Нарушевич А.Г. (2019) Русский язык. Средства выразительности на ЕГЭ и ОГЭ. Ростов н/Д: Легион, 2019. 112 с.

Русский язык. 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч. 1 / Л.М. Рыбченкова, О.М. Александрова, О.В. Загоровская, А.Г. Нарушевич [и др.] М.: Просвещение, 2019. 159 с.

Русский язык. Морфология (2010) / под ред. Г.Г.Инфантовой: учебник для вузов. М.: Академический проект, 2010. 351 с.

Холодилова М.А. (2016) Словоизменительная одушевленность местоимения *который* // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. Материалы междунар. науч. конф. «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая – 1 июня 2016 г.). М., 2016. С. 344 – 357.

Шакар Р. (2018) Семантическая категория одушевленности и её выражение в русском словообразовании. Казань: Изд-во «Бук», 2018. 270 с.

Шрамм А.Н. (1974) Принципы семантической классификации качественных прилагательных в русском языке // Вопросы семантики. Л., 1974. Вып. 1. С. 10 – 18.

Bak H. (2019) Rusça söz diziminde sözcük ve sözcük grupları // International Conference on Academic Studies in Philology, Balıkesir, Türkiye, 26 – 28 Eylül 2019. P. 97-102.

Korkmaz Z. (2007) Türkiye Türkçesi Grameri, Şekil Bilgisi / Dil Kurumu Yayınları. Ankara, 2007. 349 p.

References

Bak H. (2019). Words and phrases in Russian syntax. *International Conference on Academic Studies in Philology*, Balıkesir 26 - 28 September 2019, pp. 97-102 (In Turkish).

Bak H. (2017). Factors of influence on semantic relations in sentences of the Russian language. *Visnik Kiïvs'kogo nacjonal'nogo lingvistichnogo universitetu. Seriya Filologiya*. № 2, pp. 37-41 (In Russian).

Evtjukhin V. B. (2005) Grammar of pronouns. *Thoughts about the Russian language: past, present, future. A collection of articles to the 155 anniversary of the Department of Russian language (1849– 2004)*. SPb., pp. 113-119. (In Russian).

- Gak V.G. (1972). On the problem of semantic syntagmatics. *Questions of structural linguistics*. Moscow: Nauka. P. 370-385 (In Russian).
- Gochev G.N. (2016). Opposition “living - non-living” in the system of Russian vocabulary. *Russian language abroad*. № 2 (255), pp. 91-96 (In Russian).
- Infantova G.G. (2010). *Russian language. Morphology*. In Infantova G.G. (ed.). Textbook. Moscow: Akademicheskij proekt, 351 p. (In Russian).
- Iosilevich N.V. (2014). Markers of lexico-grammatical meaning of animate / inanimate in the sentence structure. *The Humanities, social and economic and social sciences*, no. 9, pp. 374-377 (In Russian).
- Kholodilova M. A. (2016) The animate accusative form of the pronoun *kotoryj* ‘which’. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2016, no. 10. Materials of International Scientific Conference “Grammatical Processes and Systems in Synchrony and in Diachrony” (May 30 – June 1, 2016)*. Moscow. P. 344-357. (In Russian).
- Korbett G. (1985). Animation in Russian and other Slavic languages. *New in foreign linguistics*. Vol. 15. Moscow: Nauka. 123 p. (In Russian).
- Korkmaz Z. (2007) Turkish grammar. Ankara, 2007. 349 p. (In Turkish).
- Kozina Yu.V. (2012). *History of the category of beings / non-beings in the Ukrainian language*: abstract thesis: 10.02.01. Zaporizhzhya, B.v. 20 p. (In Ukrainian).
- Kozina Yu.V. (2017). The grammatical category of the noun as a reflection of the naive worldview of high school students. *The Humanities* (Yalta). № 1 (37), pp. 60-64 (In Russian).
- Krys'ko V.B. (1994). *Development of the category of animation in the history of the Russian language*. Moscow: Lyceum. (In Russian). 224 p.
- Kuzmenkova T.V. (1980). *Category of animate-inanimateness in the modern Belarusian language*: thesis: 10.02.02. Minsk. 199 p. (In Russian).
- Madoyan V.V. (1980). *Category of animate nouns in the Old Russian language (based on the monuments of northwestern Russia of the 13th-14th centuries)*: thesis: 10.02.01. Moscow. 141 p. (In Russian).
- Moroz T.Yu. (2007). Fluctuations in the grammatical design of the materiality / insignificance of some nouns as a result of the uncertainty of the existential mode of realities denoted by them. *Visnik Lugans'kogo naczional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka: Filologichni nauki*. Lugansk: Al`mamater. №11 (128), pp. 54 -64. (In Ukrainian).
- Narushevich A.G. (2002). Category of animate-inanimate and linguistic worldview. *Russian language at school*. № 3, pp. 24-26 (In Russian).
- Narushevich A.G. (2020). The meaning of animate - inanimate noun and context. *Slavica*, 49. Available at: <https://ojs.lib.unideb.hu/slavica/article/view/6682> (accessed 18.07.2020). (In Russian).
- Narushevich A.G. (2019) *Russian language. Means of expression at the Unified State Exam and the Main State Exam*. Rostov-on-Don, Legion. 112 p. (In Russian).
- Rybchenkova L.M., Aleksandrova O.M., Zagorovskaya O.V., Narushevich A.G. et al. (2019). *Russian language. 6th grade. Textbook for educational institutions. In 2 parts, part 1*. Textbook. Moscow, Prosveshchenie, 159 p. (In Russian).
- Shakar R. (2018). *Semantic category of animation and its expression in Russian word formation*. Kazan: Publishing House Buk. 270 p. (In Russian).
- Shramm A.N. (1974). Principles of the semantic classification of qualitative adjectives in the Russian language. *Problems of semantics*. Leningrad, 1974. Vol. 1, pp. 10-18 (In Russian).

Vinogradov V.V. (1986). *Russian language. (Grammatical teaching about the word)*. Moscow, Vysshaya shkola. 415 p. (In Russian)

Bak Hadi (Erzurum, Turkey)

Peripheral Means of Expressing the Meaning of Animate – Inanimate

The study of the meaning of animate-inanimate cannot be limited to the consideration of isolated nouns, since the word always functions as part of a certain construction, as part of a certain context. The article deals with the manifestation of the meaning of animateness-inanimation in the semantics of pronouns, verbs, adjectives and adverbs.

Keywords: *the category of animacy, semantics, compatibility*

Сведения об авторе / Information about the author

Бак Хади – докт. филол. наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Атаюркский университет, Эрзурум, Турция. E-mail: bak.86@list.ru

Bak Hadi, PhD in Philology science, head of the Department of Russian language and literature, Ataturk University, Erzurum, Turkey, e-mail: bak.86@list.ru

Статья поступила в редакцию 11.08.2020, принята к публикации 20.01.2021.

The article was submitted 11.08.2020, accepted for publication 20.01.2021.